

УДК 81-25

ФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПАРЕМИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ¹

Екатерина Николаевна Свалова

к. филол. н., доцент кафедры языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языка

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24. svalova87@mail.ru

В исследовании раскрываются особенности функционирования в русских говорах Прикамья устойчивых высказываний – пословиц, поговорок, речевых этикетных и обрядовых формул. Выявляются причины подвижности диалектных паремий, типы формальных преобразований устойчивых речевых стереотипов, коммуникативные и стилистические качества трансформаций. Проводится сопоставление способов формального преобразования диалектных пословиц и поговорок и обрядовых паремий, прикрепленных к ситуациям хозяйственных и семейных обрядов. Делается вывод о более сложных формах преобразования обрядовых формул, использование которых в речи зачастую связано не только с компонентным варьированием, но и с ассоциативным развертыванием.

Ключевые слова: диалектная фразеология; обрядовая и фольклорная речь; речевые жанры; типы варьирования диалектных паремий; высказываний.

Паремиями считаются закрытые по структуре устойчивые фразы, которые совмещают свойства фразеологизмов и законченных высказываний. По своей семантике они характеризуют те или иные ситуации или отношения между явлениями. В этих устойчивых суждениях-клише на основе переосмысления какой-либо условной или жизненной ситуации сформулировано житейское правило, закреплены поучения, моральные требования, советы и осуждения, выработанные в народной культуре. Представляя собой яркое воплощение традиционной народно-речевой культуры, эти особые воспроизводимые единицы живой речи отображают стереотипные представления народа и базовые концепты этнокультуры.

Исследователями паремий (пословиц, поговорок, речевых этикетных и обрядовых формул) отмечена «потенциальная «готовность» паремий участвовать в различного рода трансформациях и аллюзиях» [Семененко 2009: 23]. Изменчивость содержания и формы этих текстов во времени и в живой речевой практике связана с сохранением у компонентов высказываний семантических и грамматических связей, а также с тем, что внутренняя форма большинства высказываний является сюжетной и прозрачной. Важной причиной колебания формы народных паремий является отсутствие в живой речи сознательного нормативного их закрепления. Кроме того, динамичность паремий иллюстрирует вариативность как общее свой-

ство языка. В условиях народных говоров это еще и проявление языковой избыточности, которая служит показателем жизнеспособности говора.

Изучению вариантности паремий посвящено немало исследований. Е.Н. Саввиной выделены типы речевых трансформаций устойчивых высказываний: лексические, формальные, словообразовательные, структурные типы вариантов [Савина 1984]. Е.Е. Жигариной исследованы бытующие в живой речи паремии-трансформы, используемые для повышения экспрессивности и прагматической эффективности речи, развернуто представлены разновидности преобразования устойчивых клише: гиперактуализация (растворение пословицы в речевой ситуации), сращение (соединение в рамках одного предложения частей суждений двух или трех паремий), усечение (воспроизведение только начальной или только финальной части пословицы); актуализация (замена, добавление или пропуск отдельных слов традиционной пословицы с целью приблизить ее общее значение к конкретной ситуации); надстройка (добавление параллельного суждения или элемента суждения к наиболее устоявшемуся варианту, когда происходит вторичное создание клише на базе традиционной пословицы) [Жигарина 2006: 21]. Г.Ф. Благова в исторической ретроспективе описала систему варьирования пословиц, выявив в их структуре опорные слова-стабилизаторы и периферийную часть, бо-

лее подверженную преобразованиям в живой речи [Благова 2000]. Е.И. Селиверстова, рассмотрев такие свойства русской паремии как устойчивость и вариативность, отметила, что важнейшим качеством функционирования паремий выступает общность многих элементов, формирующая общее паремийное пространство. Ею же установлено, что из всех типов варьирования для паремии лексическое является наиболее активным и значимым [Селиверстова 2009].

Наши наблюдения за использованием паремий в диалектной речи показывают, что они активно варьируются как на поверхностном уровне (в лексическом, морфологическом, синтаксическом планах), так и композиционно. Преобразования позволяют внести в паремии дополнительные смыслы. Так, усеченные формы позволяют говорящему сделать акцент на информации, содержащейся в сохраненном компоненте. Синонимические замены, развертывания паремии используются для введения деталей или дополнительной информации, их экспрессивной окраски. Кроме того, характер варьирования паремий связан с их жанровой природой: пословица, в частности, чаще изменяется на компонентном уровне, тогда как более развернутые по составу обрядовые формулы с иносказанием, обереговым смыслом, с продуцирующей семантикой преобразуются за счет их ассоциативного развертывания, меняют художественную оформленность.

Трансформы в пословицах

Варьирование диалектных пословиц с минимальным изменением их семантики осуществляется на морфологическом уровне. Форма *Когда кипит, тогда и вари*, содержащая совет все делать в нужное время, минимально отличается от варианта *Когда кипит, тогда и взваривай* (вторая форма за счет значения *взваривать* 'варить до кипения' акцентирует внимание на срочности исполнения действия). Пословица *Хоть чашка отрубей, не отставай от людей* (о необходимости и в бедности сохранять свое достоинство) с императивной семантикой и формой 2 лица содержит прямое побуждение, тогда как вариант *Хоть в чашке отрубей, да не остану от людей* выражает настрой себя самого на важность всегда сохранять самоуважение.

Замена компонентов в пословицах отмечена в разных видах. Варианты *Век жить – не мешок шить* / *Век жить – не мех шить* отличаются использованием этимологически родственных слов *мех* и *мешок*. Обозначение кожаной емкости для жидкости или сыпучего материала было перенесено на упаковку из полотна или мягкого материала; архаичная форма *мех* стилистически усиливает традиционность, указывает на давность (а сле-

довательно, выверенность временем) сентенции о сложности жизненного пути. Пермское диалектное *Не боги горшки обваривают* соответствует общерусскому выражению *е боги горшки обжигают*, которое используется для ободрения человека, впервые взявшегося за какое-то дело и боящегося не справиться с ним. Пословица содержит замену *обваривать/обжигать*, что является отражением старой, уже забытой технологии обварки горшков после обжига (обмазывали горшок перед обжигом крепким раствором соли или окунали после обжига раскаленный горшок в мучную «болтушку», чтобы изменить его темный цвет).

Минимальные расхождения внутренней формы демонстрируют синонимические замены компонентов: *Куда дерево наляпалось, туда ему и пасть* / *Куда лесинка наляпалась, туда и пасть* о предначертанности судьбы свыше; использованное в варианте *лесинка* как уменьшительное к *лесина* (обычно так называют большое, сильное дерево) подчеркивает зависимость от судьбы. В вариантах *Под лежач-камень вода не подойдет* / *Под лежачу колодину вода не подтекает* с осуждением того, кто бездействует и поэтому обречен на неуспех, замена *камень – колода* (толстый ствол упавшего дерева) указывает на разные степени непреодолимости статики. Формы *Наиёл – не радуйся, потерял – не тужи* / *Наиёл – не радуйся, потерял – не жалуйся* отличаются, во-первых, указанием на силу печали (*тужить* 'горевать, скорбеть', *жаловаться* 'выражать неудовольствие'), а во-вторых, рифмованностью второго варианта. Пословица *Собака лаёт – ветер носит* о том, что не нужно обращать внимания на слова окружающих, а делать свое дело, также имеет в пермских говорах рифмованный вариант *Собака лаёт – ветер отдувает*. Известное выражение *Мал золотник да дорог* о том, что достоинства человека или значимость вещи не зависят от внешних данных, фонетически обработан в говорах (благодаря внутренней рифме) *Невелик золотник, да дорог*. Выражение *Не смейся чужой беде – своя вперёд* приобретает конкретную образность в форме *Не смейся чужой беде – своя на гряде*. Использованное *гряда* здесь не только соотносится с *грядущее* 'будущее' (из старого *грясти* 'следовать во времени, наступать'), но и с названием полосы вскопанной земли, огородной грядки.

Семантика пословичных выражений, их тематическая приуроченность влияет на потенциальную вариативность. Так, значителен вариантный ряд пословиц с мировоззренческим смыслом, о разнообразии событий и трудностей, которые человеку встречаются в жизни: *Жизнь прожить – не вода (водой) брести, не мешок (не*

котама) нести / Жизнь вести – не вода брести / Век жить – не река брести, реку перебрёл да опять пошёл. В преобразованиях встречаются сугубо диалектные грамматические формы (именительный падеж женского рода с инфинитивом переходного глагола вода брести), конструкции с факультативным дополнением (Век жить – не река брести <реку перебрёл да опять пошёл>), с синонимической заменой (мешок/котама).

В ряде случаев на характер преобразования поговорок влияет культурная коннотированность заменяемых компонентов. Выражения Жена не валенок – с ноги не сбросишь / Жена не лапоть – с ноги не скинешь о том, что законный брак разрушить не так просто, что брак это ответственность, строятся на «обувных ассоциациях» для обозначения супругов, на восприятии двух парных предметов обуви как неразрывно связанных [Селиверстова 2010: 20]. Пословица о сложности и ответственности быть родителем Деток родить – не рябинку ломить содержит затемненный образ из обереговой магии: рябина 'рябое дерево' считается сильнейшим оберегом, хранителем семейного счастья (например, ветки рябины вывешивали у входа в дом)². Пословица, возможно, отражает скептицизм по поводу суеверных представлений, недаром возникает менее культурно нагруженная замена Деток носить – не ветку ломить. Формы И крута горка, да отходчива / Крута гора, да забывчива о преходящих тяготах, испытаниях отличаются использованием компонента отходчивый о легко успокаивающемся и забывчивый о легко и быстро забывающем. Чаше используемые как характеристики человека, эти прилагательные наделяют образ крутой горы (знак испытаний) человеческими качествами, в известной степени снимают страх перед неизведанными трудностями (ср. в пословице И крута гора, да миновать нельзя о необходимости двигаться навстречу опасности; то же в пословице Крута гора, да забывчива с факультативным расширением <лиха беда, да сбывчива>, где горé противопоставлена грядущая лихая беда). Ассоциативным фоном к ключевому образу пословицы является фольклорно-мифологическое представление о горе как высшей точке земли, как о символе близости к Богу и месте перехода в иной мир – той неизбежности, которая ждет каждого и с которой необходимо смириться (в связи с чем известно еще одно пермское выражение побывать на крутой горе 'перенести опасные роды'). Требование мобилизовать себя в ответственный момент Жать ячмень – топиться содержит отсылку, которая связана с тем, что при вызревании этот злак легко осыпается, делается ломким, отчего жать его выходили до сильного жара, по росе, стараясь ни на день не затяги-

вать жатву. Форма Жать ячмень – нагибаться строится на иной мотивировке (ячмень в отличие от ржи является более низкорослой культурой).

Достаточно разнообразны диалектные аналоги известной пословицы В тихом омуте черти водятся о человеке внешне непримечательном и незаметном, но способном неожиданно совершить что-то опасное: В тихом море чертей боле / В тихом озере биси сидят. В этом же ряду стоит выражение В тихих омурах черти в хомутах, связанное с народным представлением о том, что в самых спокойных и одновременно самых глубоких (и следовательно опасных) участках реки водится нечистая сила. Последняя форма как вариант, построенный по общей модели, расширена за счет введения нового образного мотива «черти в хомутах». Связь «хомут – черт» неслучайна, она отражена и в других выражениях, например, в поговорке Где черти хомуты не вешали (вологдское, псковское шутливое определение очень далекого места [БСРП 2008: 80]). Хомут в диалектной речи часто негативно соотносится с гнетом, используется как название болезней от магического воздействия (рака, паралича, порчи, сумасшествия).

Варьирование может разрушать художественную обработку паремии. Так, вариант Жить ладья, а умирать – обязательно созвучен выражению Жить-то снаряжайся – умирать-то сподобляйся о необходимости помнить о смерти, о краткосрочности человеческого бытия. Впрочем, в других случаях установка на сохранение рифмы малозначительна (ср.: Шей да пори – не будет даровой поры / Шей да пори, не будет нарядности иронически о переделывании работы). Отказ от рифмы не всегда ведет к деформации высказывания, но в ряде выражений на основе фонетических сближений может создаваться затемненный образ паремии. Варианты Какой с купельки, такой до могилки / Какой с купилки, такой и до могилки (купель как сосуд для крещения младенца, купилка как шутливое объяснение появления ребенка) наделены прозрачной мотивировкой, что не распространяется на форму Какой с копилки, такой и до могилки, также о человеке, не меняющемся с рождения до смерти.

В большинстве своем пословицы имеют четкую логическую и соответственно синтаксическую структуру. В говорах отмечаются разные формы их преобразования, и практически в каждом случае трансформы не дублируют друг друга: в вариантах выявляется новый смысловой или эмоциональный элемент.

Трансформы в обрядовых паремиях

Обрядовые формулы-паремии произносятся непосредственно во время исполнения ритуала и являются частью связанных с ними действий.

Представляя собой микротекст, они имеют более сложную, чем пословицы, структурную организацию, используемые в них элементы направлены на выполнение сакральной функции. Так, при стрижке овец говорят *Слушай, овечка, чего тебе ноженки говорят, тебя стригчи хотят (тебе стоять велят)*; *Ноженки стучат да бренчат, шёрстку просят* (д. Мусонкино, Карагайский район). Слова, сходные с заговорными, произносятся, легко постукивая ножницами по голове животного. Упрощенный вариант такой паремии отмечен в Соликамском районе: *Люби, барашек, ноженки* (д. Толстик, Соликамский район), при произнесении слов щелкают ножницами. При том что предмет паремий один и тот же, излагаемые ими сведения и форма их донесения у носителей традиции легко варьируются на разных территориях и в речи разных людей. Пожелания уходящему в путь *Свят-дух встречу / Ангел навстречу! / Ангела-спутника в дорогу / Ангел – навстречу, Христос – по пути (Пресвятая Богородица, на подмогу приди)* содержат имя Бога или названия божественных персонажей, предлагается таким образом магическая защита, покровительство в дороге высших сил. Нередко обрядовые высказывания содержат архаизованные элементы, в связи с чем в живой речи легко подвергаются деформации. Восклицание *От слова не доспейся!*, которое произносят из страха напророчить плохое, фиксируется в формах *От слова недостичь / От слова недостись*. Причиной его разрушения является выход из активного употребления глагола *доспеться* ('случиться, произойти'). Аналогично появляются формы-обереги, которые считаются отводящими несчастье от кого-либо или чего-либо: *Не в рок буди / Не в ро буди* (из *Не в урок будь, где урок*, производное от **urekti* 'сказать', как и диалектный глагол *урочить*, используется в значении 'порча').

По своей функции такого рода высказывания обеспечивают обрядовую коммуникацию, которая в значительной степени задана традицией. Поэтому их варьирование имеет несколько иной характер – оно выражается не только в варьировании компонентов. Обрядовые паремии чаще трансформируются более свободно, по линии ассоциативного развертывания структуры, словесного наполнения и художественных деталей. Часто такие преобразования представляют собой заполнение изначальной инвариантной структуры. Подобная инвариантность обрядовых формул проявляется, например, в паремиях, которые произносит сваха во время сватовства: *У нас петушок, у вас – курочка, надо их сместить* (с. В.-Язьва, Красновишерский район); *У вас курочка, у нас петушок, нельзя ли их в один хлевешок* (пос. Куеда); *У вас есть овечка, у нас барашек* (пос. Усолье); *Есть*

сокол у нас, у вас соколушка. Нельзя ли вместе их скрестить (г. Чердынь); *У нас бычок, у вас тёлочка* (пос. Куеда); *Ваша пшеница, наша рожь, давайте соединим* (д. Пашево, Кишертский район); *У вас горшок, у нас цветок, давайте посадим цветок в горшок* (с. Рябки, Чернушинский район). Все они воспроизводят иносказательно осмысленную тему хозяйственного контакта (при этом отдельные выражения имеют расширение, нередко основанное на рифме). Таковы и формы обрядового наговора, пожелания молодым перед первой брачной ночью: *Ложитесь вдвоем – вставайте втроем! На каждую ночь сына и дочь!* (г. Чердынь); *Ложитесь вдвоем, вставайте втроем, на поле пойдем пятерё да шестерё* (д. Ташкинова, Юрлинский район). Пожелание наделено продуцирующим смыслом, а использованная в нем игра со словом необходима не только для создания эстетического эффекта, она значима «для повышения сакральной действенности формуль» [Левкиевская 2002: 239]. То же касается формул с береговым смыслом типа *Пол по нам, потолок по нам, матица, не поперечь*, которые произносили сваты при входе в дом невесты (д. Тимина, Юрлинский район); выражение зафиксировано и с наращением: *Заходят ещё: «Пол по нам, потолок по нам, матица не поперечь, мать-отец, убирайтесь за печь»* (д. Зарубина, Юрлинский район).

В состав обрядовых паремий нередко включаются закрепленные в общем паремическом пространстве языка, в фольклорной традиции элементы. Свадебное напутствие жениху при «передаче» ему невесты могло сопровождаться словами отца *У меня в лаптях ходила, у тебя пусть в ботиночках похаживает* (д. Одинцово, Карагайский район); *Я держал за лычко, ты держи за ремешок* (д. Мухоморка, Юрлинский район). В этих выражениях использованы в качестве основы традиционные для русских паремий оппозиции «сапог – лапоть» (обувь богатых – обувь бедных), «лычко – ремень», ассоциативно представляющее не только бедность – богатство, но и свободу – зависимость (наглядно эти смыслы проявлены в выражениях *Лычком не привяжешь, так и ремешком не возьмёшь*; *Взял лычко, а отдай ремешок*; *Вяжись лычко с лычком*).

Ряд близких высказываний произносят при завершении посадки или сева: *Дай Бог для нищих, для братьей и для добрых людей / Дай Бог на нищих, на нуждающихся, на прохождающих, дай бог всем! / Дай Бог нищему, голодному, нам на труды*. По оформлению это типичные для заговоров перечисления, благодаря которым создается эффект универсальной значимости сказанного. Во всех этих выражениях говорящий просит не только для себя, но в первую для ближнего и более уязвимого, для добрых людей вообще. Обращени-

ем к Богу он подтверждает благие намерения, с которыми он выполнял свое дело.

Ассоциативное развертывание паремий заключается в установлении связей между отдаленными представлениями, в сложном семиотическом обыгрывании различных культурных смыслов слов. Высказывание *Стол косо́й (криво́й)* используется на свадьбе и как призыв невесте выйти к гостям, и как побуждение молодым целоваться: *Перед выводом невесты после того, как гости рассаживались, вызывали невесту: «Стол косо́й, чево-то не хватает, Мы желаем стол поправить, стол у нас хромает!»*. *Невеста выходит за стол, жених ее целует* (пос. Куеда); *Невесту-то спрячут, она на кухне. Жениховы родственники за стол садятся и кричат: «Стол криво́й, стол косо́й!»* Это потому, что невесты нет. Она приходит (с. Аряж, Куединский район). Паремия подчеркивает особый статус молодых людей, создающих новую семейную пару, приписывая жениху и невесте способность «пересотворения», улучшения жизни.

Отмеченная вариативность обрядовых паремий в говорах связана с установкой на создание дополнительных стилистических эффектов. Паремии, связанные с магически воспринимаемыми ситуациями, обладают высокой степенью трансформированности, что мотивировано их сложной организацией и развернутостью. В целом же в отмеченной множественности форм устойчивых высказываний в диалекте, когда невозможно выявить исходный образец речевого стереотипа, отражена подвижность паремической системы народной речи, ее креативный характер.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (научный проект 19-18-00117

«Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

² См. подробно о рябине как апотропее [СД, Т. 4: 518].

Список литературы

Благова Г.Ф. Пословица и жизнь. Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М.: Восточная литература, 2000. 222 с.

БСРП – Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.

Жигарина Е.Е. Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 28 с.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Савина Е.Н. О трансформациях клишированных выражений в речи // Паремииологические исследования / сост., ред. и предисл. Г.Л. Пермякова. М.: Наука, 1984. С. 200–221.

Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС». 2009. 270 с.

Селиверстова Е.И. Русская пословица в паремииологическом пространстве: стабильность и вариативность: лингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 48 с.

Семенов Н.Н. Прецедентный потенциал паремий как проблема семантического исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Языкознание. 2009. № 2(10). С. 19–24.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти томах / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). 656 с.

FORMAL TRANSFORMATIONS OF PAREMIC EXPRESSIONS IN RUSSIAN SUBDIALECTS OF PRIKAMYE

Ekaterina N. Svalova

Associate Professor, Department of General Linguistics, Russian and Komi-Permyak languages, Methodology of Teaching Languages
Perm State Humanitarian Pedagogical University

The study reveals some peculiarities of set-expressions (proverbs, sayings, etiquette and ritual speech formulas) in the Russian subdialects of Prikamye. The reasons of mobility of dialect set-expressions, the types of formal transformations of stable speech stereotypes, the communicative and stylistic features of transformations are revealed. The authors compare the ways of formal transformation of dialect proverbs and sayings and ritual set-expressions connected with the situations of household and family rituals. The conclusion is made about more complex forms of transformation of ritual formulas, which use in speech is connected not only with component variation but also with associative expansion.

Keywords: dialect phraseology; ritual and folk speech; genres of speech; variation of dialect set-expressions.